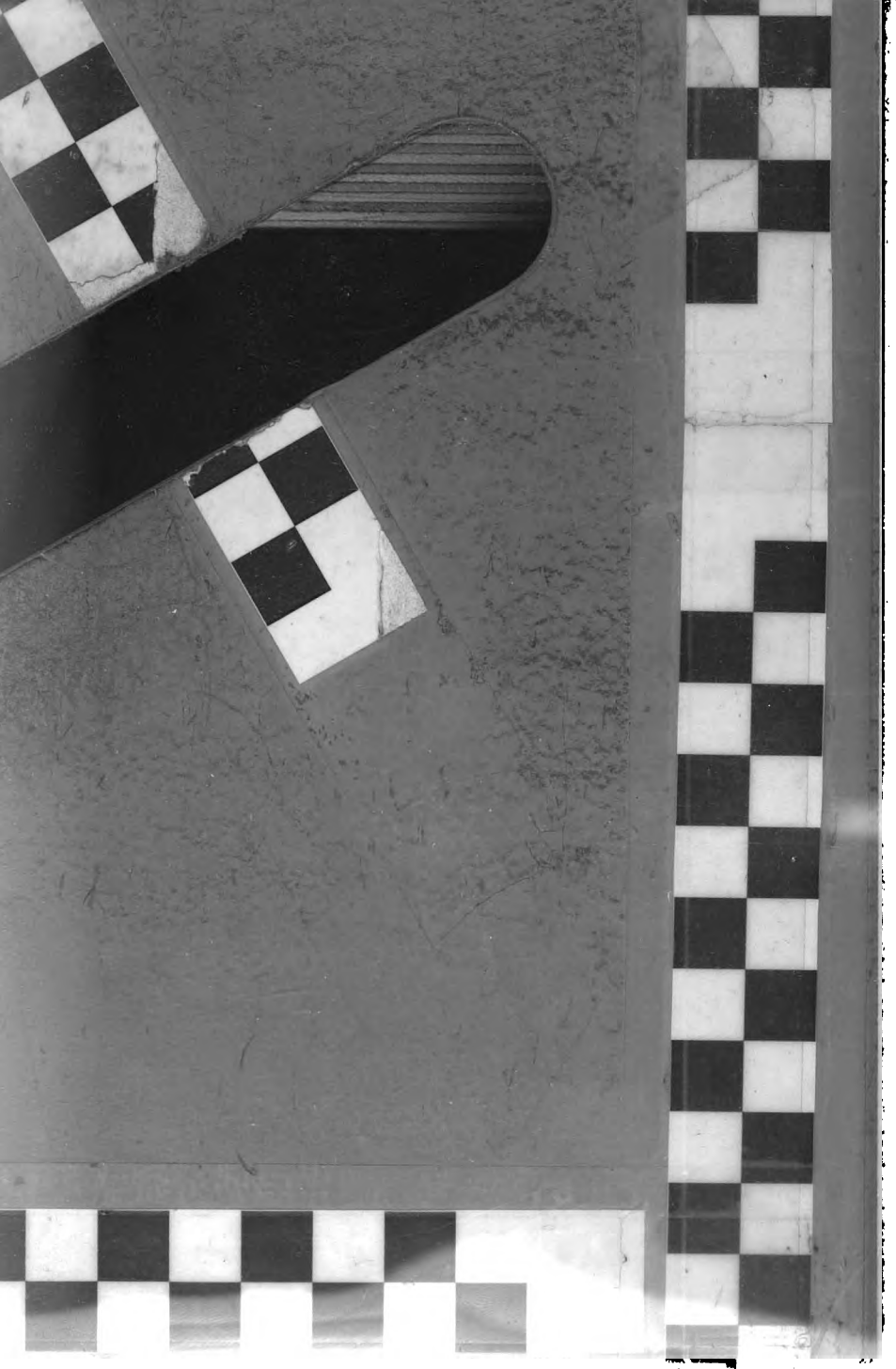
PG3476
S3625L3
1926
STANFORD LIBRARIES

Digitized by Google



Digitized by Google

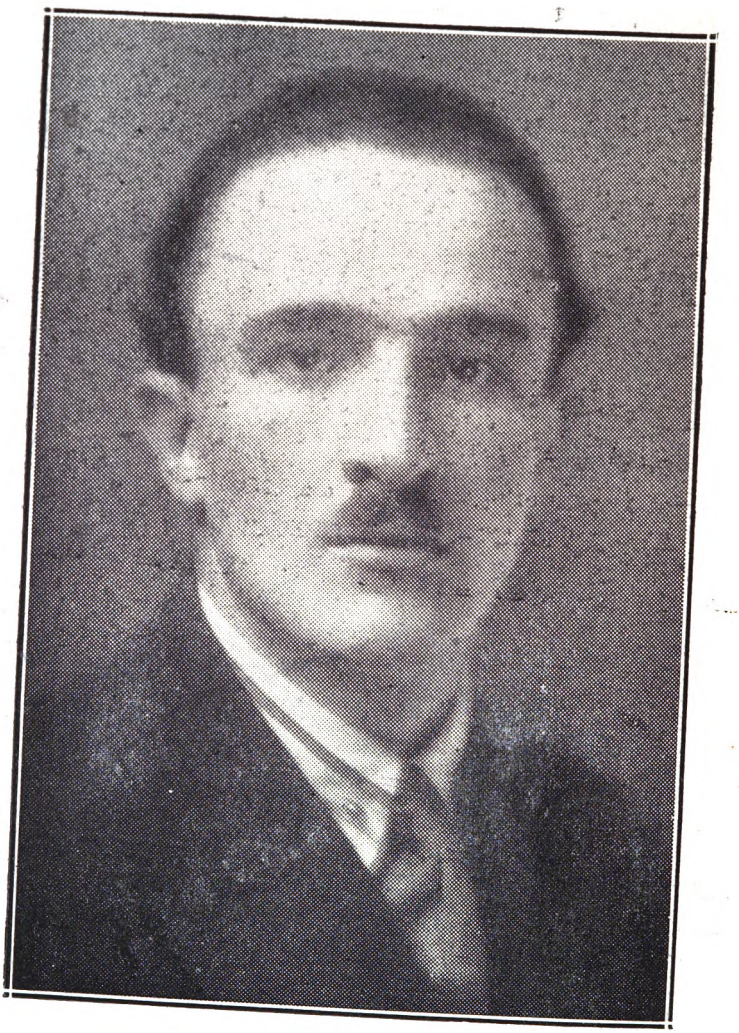
PG3476
S3625L3
1926
STANFORD LIBRARIES

Digitized by Google

7/29/77

Digitized by Google

Digitized by Google



Иван Савин

Digitized by Google

Savolainen. I.

ИВАНЪ САВИНЪ

ЛАДОНКА

СТИХИ.

БѢЛГРАДЪ
Русская Типографія, Космайская 51.
1926

STANFORD
LIBRARIES
Digitized by Google

Обложка и виньетки работы
Л. КОВАЛЕВСКОЙ - РЫКЪ.

PG3476
S3625L3
1926

Digitized by Google

ИЗДАНІЕ
Гл. Правленія О-ва Галлиполійцевъ

Digitized by Google

Digitized by Google

„Вы цѣлый годъ несли крестъ; теперь этотъ крестъ носите вы на груди. Объедините же вокругъ этого креста русскихъ людей“...

(Изъ рѣчи ген. Кутепова на послѣднемъ парадѣ въ Галлиполи 16 дек. 1921 г.),

Шестой годъ нашего изгнанія — срокъ достаточный, чтобы осѣли на днѣ души многогранные лики жизни. Срокъ достаточный и для того, чтобы между тѣми, кто воспринялъ едино эти лики, протянулись прочныя нити, для которыхъ нѣтъ ни разстоянія, ни преградъ...

Въ эти годы все чаще и чаще встрѣчается въ нашей зарубежной печати имя Ивана Савина.

Иванъ Савинъ, больше чѣмъ многіе изъ насъ, испыталъ на себѣ бремя гражданской войны. Оставленный въ Крыму, онъ узналъ весь ужасъ плѣненія, неизбѣжность разстрѣла, нелегальнаго существованія, физическихъ и нравственныхъ пытокъ,— и въ то время, когда для насъ наступала новая пора духовнаго расцвѣта въ галлиполійскихъ лагеряхъ, онъ, какъ преступникъ и татъ, пробирался по родной — и безконечно-чужой — землѣ на далекій сѣверъ. Въ Крыму онъ потерялъ свою свободу; въ Финляндіи — нашелъ ее снова.

Свобода безъ родины...

Какъ безъ компаса блуждаетъ безсмысленно судно по водной стихіи, такъ блуждаетъ безъ родины свободный человѣкъ. Некуда плыть въ просторѣ. Всѣ дали одинаково равны и одинаково безразличны. Всѣ цвѣта одинаково сѣры.

Но Савинъ не остался безъ родины. Въ своей душѣ вынесъ онъ ее на чужбину. Она продолжала отражаться въ его пѣсняхъ. Сѣрость жизни преломлялась въ нихъ то яркимъ гнѣвомъ, то нѣжной тоской, то бодрымъ порывомъ.

Digitized by Google

И потому съ юга на сѣверъ потянулись къ нему прочныя нити нашей дружбы, нашего пониманія, нашихъ устремленій.

* * *

Въ стихахъ Ивана Савина не можетъ быть ничего спеціально „галлиполійскаго". Не видѣлъ онъ красоты нашего полотнянаго городка, фіолетовыхъ горъ за проливомъ, не слышалъ вечерней трубы и вечерней молитвы, когда за темнымъ кряжемъ опускалось солнце. Не радовался онъ, какъ мы, каждому русскому ростку — звонкой юнкерской пѣснѣ, бѣлымъ гимнастеркамъ, стройнымъ рядамъ проходящихъ частей. Не удостоился высокаго счастья носить галлиполійскій крестъ.

Но не въ палаткахъ, юнкерскихъ пѣсняхъ, желѣзномъ крестѣ — лежитъ душа Галлиполи. Она давно вышла изъ береговъ Дарданеллъ; она давно переросла свои воспоминанія. Она не нуждается въ фиміамѣ и прославленіи. Галлиполійцы — не каста, а духовное братство. Намъ, кавалерамъ чернаго креста, близки всѣ тѣ, кто умѣетъ носить свой невидимый крестъ.

* * *

Стихи Ивана Савина стоятъ того, чтобы ихъ отмѣтить. Въ нихъ нѣтъ ни патріотическаго шума, ни сантиментальной слащавости. И главное,— въ нихъ нѣтъ нигдѣ стихотворной прозы.

Словами, которыя падаютъ въ душу огненными каплями, выражаетъ онъ внѣполитическую природу бѣлыхъ борцовъ. Господомъ были поставлены они въ дозоръ, чтобы пошла

„.. былинная Москва,
Въ древнемъ Мономаховомъ уборѣ,
Ко святой заутренѣ, въ дозорѣ
Странниковъ, непомящихъ родства"...

Какъ мелки политическіе споры передъ лицомъ того, кто „въ служеньи суровомъ къ Іордану святому зоветъ", кто живетъ въ вѣчномъ напряженіи, питаясь акридами и медомъ!

Савинъ находитъ образы для своихъ мыслей:

„Въ маревѣ бѣженства хилаго,
Въ заревѣ казней и смутъ,
Видите: руки Корнилова
Русскую землю несутъ"...

Въ этихъ рукахъ, несущихъ русскую землю, чувствуется не простой рисунокъ: это почти икона, гдѣ руки выписывались вопреки всякой анатоміи, но строго по уставу и преданію,

Digitized by Google

Вы сразу чувствуете не политическій актъ, но духовное подвижничество. И не потому ли Корниловъ,

„Причастникъ русскаго стыда
„Былъ мертвой родины достоинъ
„Въ тѣ недостойные года"?

Гдѣ истоки этихъ „недостойныхъ лѣтъ"? Не поэтому-ли, что

„Въ насъ никогда не пѣло эхо
Господнихъ трубъ. Слѣпыя совы
Въ насъ рано выклевали Бога..."

Не поэтому-ли у поколѣнія Савина „украли молодость", не поэтому-ли заставили пережить гибель близкихъ людей и Христа-ради „просить жизни"? Не поэтому-ли такъ страшитъ одна мысль, что въ будущемъ

„... крови нашей страшный грунтъ
Засѣявъ ложью, шутъ нарядный
Увьетъ цвѣтами — русскій бунтъ
Безсмысленный и безпощадный"?

Но велика вѣра живущаго въ напряженіи.

„Мой бѣлый другъ, нашъ близокъ домъ.
„Мой бѣлый другъ, мы у порога..."

Лирика Савина богата образами. Нѣсколько штриховъ, намекъ — и создается цѣлая картина.

„Утро. Пушистое сѣно
Медомъ полно. У воды
Мельница кашляетъ пѣной,
Пылью жемчужной руды".

Для чужого сѣвера онъ находитъ иныя слова.

„Чего здѣсь больше, капель или иглъ?
Осеннихъ брызгъ, или сосновыхъ хлопьевъ?
Столѣтній боръ, какъ стомачтовый бригъ
Вонзился въ небо тысячами копьевъ".

Но вездѣ — несетъ онъ съ собой Россію. Боль воспоминаній не приводитъ ни къ отчаянію, ни къ пессимизму. Родина, какъ и измѣнившая женщина:

„Ни правыхъ, ни виновныхъ нѣтъ
Въ любви, замученной нечаянно..."

Савинъ съ „украденной молодостью" — не старикъ, и не играетъ подъ старика. Тотъ, кто „отдалъ Господу сердце свое",

Digitized by Google

не можетъ погрязнуть въ житейскихъ разсчетахъ. И въ чаяніи крестоваго похода за правду, онъ восклицаетъ:

„Да пріидетъ! Высокія плечи
Преклоняя на бѣломъ лугу,
Я походныя пѣсни, какъ свѣчи,
Передъ ликомъ Россіи зажгу".

* * *

Въ пѣсняхъ И. Савина, каждый изъ насъ — и особенно наша молодежь, у которой украли ея молодость, — найдетъ многое, что затронетъ душу.

Въ повседневныхъ трудахъ, въ безпросвѣтной рабочей жизни, — хочется отдохнуть за поэзіей и стихами. Я это знаю изъ личной переписки. Десятки лицъ повѣряли мнѣ свои стихотворные опыты, гдѣ искренно и непосредственно выливали и свое горе, и свои надежды. Но, долженъ сказать, за рѣдкимъ исключеніемъ, эти опыты были успѣшны. Недостатокъ техническаго навыка отнималъ отъ этихъ опытовъ объективную цѣнность; и — можетъ быть самое главное — авторы упускали изъ вида, что не все, выраженное въ стихотворной формѣ — есть стихи.

Вотъ почему я съ особымъ удовольствіемъ предложилъ Обществу Галлиполійцевъ издать первый сборникъ Ивана Савина: сборникъ этотъ, не говоря ни одного слова о Галлиполи, пополнитъ нашу „галлиполійскую" литературу.

В. Даватцъ.

14 мая 1926.
Бѣлградъ.

Digitized by Google

Иванъ Савинъ родился 29 авг. 1899 года. Дѣтство и юность провелъ въ глухомъ уѣздномъ городкѣ Малороссіи.

Въ началѣ 1919 года пытался пробраться въ Одессу, гдѣ, по слухамъ, формировался добровольческій отрядъ, но былъ въ Елисаветградѣ задержанъ и по этапу отправленъ на родину.

Весной того же 1919 года получилъ клочекъ бумаги о прослушаніи курса совѣтской гимназіи. Лѣтомъ держалъ экзаменъ на настоящій аттестатъ зрѣлости и, по занятіи района арміей генерала Деникина, поступилъ въ нее добровольцемъ.

Служилъ въ 12 уланскомъ Бѣлгородскомъ полку. Въ моментъ эвакуаціи Крыма былъ боленъ тифомъ, лежалъ въ Джанкойскомъ лазаретѣ и попалъ въ плѣнъ къ большевикамъ.

Въ Добрармію ушла вся его семья. Младшіе братья, Николай и Борисъ, были убиты въ бою, старшіе, Михаилъ и Павелъ, разстрѣляны красными.

Послѣ года физическихъ и нравственныхъ пытокъ ему удалось въ концѣ 1921 года пробраться въ Петербургъ, откуда въ 1922 году — въ Финляндію.

Первое время работалъ на заводѣ. Теперь сотрудничаетъ во многихъ эмигрантскихъ изданіяхъ.

И. Савинъ любилъ и писалъ стихи съ дѣтства. Первое стихотвореніе — совершенно, конечно, безпомощное — написалъ 11-ти лѣтъ.

Впервые онъ попалъ въ печать въ 1914 году: губернская газета помѣстила его статью а затѣмъ рядъ стихотвореній и разсказовъ.

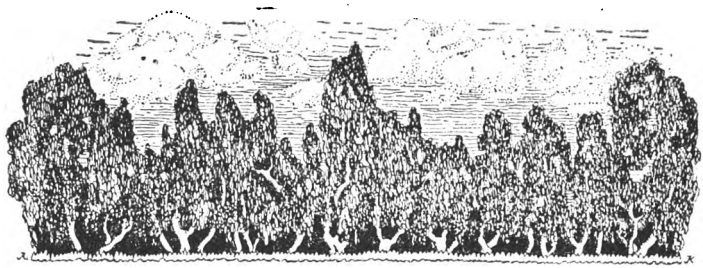
Ни одной строки не печаталъ за все время революціи. Серьезно началъ писать и печатать стихи свои лишь съ 1923 года, заграницей — въ рядѣ зарубежныхъ газетъ и журналовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



* * *

Я — Иванъ непомнящій родства,
Господомъ поставленный въ дозорѣ.
У меня на вѣтреномъ просторѣ
Изошла въ моленьяхъ голова.

Все пою, пою. Въ немолчномъ хорѣ
Мечутся набатныя слова:
Ты ли, Русь безсмертная, мертва?
Намъ ли сгинуть въ чужеземномъ морѣ!?

У меня на посохѣ — сова
Съ огневымъ пророчествомъ во взорѣ:
Грозовыми окликами вскорѣ
Загудитъ родимая трава.

О землѣ, возставшей въ лютомъ горѣ,
Грянетъ колокольная молва.
Стягъ державный богатырь-Бова
Развернетъ на русскомъ косогорѣ.

И пойдетъ былинная Москва,
Въ древнемъ Мономаховомъ уборѣ,
Ко святой заутренѣ, въ дозорѣ
Странниковъ непомнящихъ родства.

1923.

Digitized by Google

* * *

Оттого высоки наши плечи,
А въ котомкахъ акриды и медъ,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословимъ крестовый походъ.

Оттого мы въ служеньи суровомъ
Къ Іордану святому зовемъ,
Что за нами, крестящими словомъ,
Будетъ воинъ, крестящій мечемъ.

Да взлетятъ бѣлокрылыя латы!
Да сверкнетъ золотое копье!
Я, немеркнущей славы глашатай,
Отдалъ Господу сердце свое...

Да пріидетъ!... Высокія плечи
Преклоняя на бѣломъ лугу,
Я походныя пѣсни, какъ свѣчи,
Передъ ликомъ Россіи зажгу.

1923.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ БОЙ.

Онъ душу мнѣ залилъ мятелью
Побѣды, молитвъ и любви...
Въ ковыль съ пулеметною трелью
Стальные легли соловьи.

У мельницы ртутью кудрявой
Ручей рокоталъ. За рѣкой
Мы хлынули сомкнутой лавой
На вражескій сомкнутый строй.

Зѣвнули орудія, руша
Мосты трехдюймовымъ дождемъ.
Я крикнулъ товарищу: „Слушай,
Давай за Россію умремъ".

Въ сѣдлѣ подымаясь какъ знамя,
Онъ просто отвѣтилъ: „Умру".
Лилось пулеметное пламя,
Посвистывая на вѣтру.

И чувствуя, нѣжности сколько
Таили скупыя слова,
Я только подумалъ, я только
Заплакалъ отъ мысли: Москва...

1925.

Digitized by Google

* * *

Иди въ юдоль не вбродъ, а вплавь:
Глубинъ глубинный не боится.
Въ гнѣздо судьбы влетитъ Жаръ-Птица,
Какъ золотая небылица,
И то, что нынче только снится,
На-завтра встрѣтится, какъ явь.

Размыта грозами дорога.
Тяжелый міръ заржавленъ зломъ.
Я знаю, кровью брызжетъ громъ.
Я знаю, больно подъ дождемъ.
Мой бѣлый другъ, нашъ близокъ домъ!
Мой бѣлый другъ, мы у порога...

1924

Digitized by Google

* * *

Любите враговъ своихъ... Боже,
Но если любовь нежива?
Но если на вражескомъ ложѣ
Невѣсты моей голова?

Но если, тишайшія были
Расплавивъ въ хмѣльное питье,
Они Твою землю растлили,
Грѣхомъ опоили ее?

Господь, успокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Надъ этой запекшейся твердью
Ударить въ набаты крови.

И гнѣвъ Твой, клокочуще-знойный
На трупныя души пролей!
Такіе враги — недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.

1924.

Digitized by Google

КОРНИЛОВУ.

I.

Въ маревѣ бѣженства хилаго,
Въ заревѣ казней и смутъ,
Видите: — руки Корнилова
Русскую землю несутъ.

Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многіе, всѣ.
И отошли, и оставили
Пепелъ въ полночной росѣ.

Онъ не ушелъ и не предалъ онъ
Родины. Въ горестный часъ
Онъ на посту заповѣданномъ
Палъ за страну и за насъ.

Есть умиранье въ теперешнемъ,
Въ прошломъ безсмертіе есть.
Глубже храните и бережнѣй
Славы Корниловской вѣсть.

Мы и живые безжизненны,
Онъ и безжизненный живъ.
Слышу его укоризненный,
Смертью вѣнчанный призывъ

Выйти изъ мрака постылаго
Къ зорямъ борьбы за народъ.
Слышите, сердце Корнилова
Въ колоколъ огненный бьетъ!

1924.

Digitized by Google

II.

Не будь тебя, прочли бы внуки
Въ исторіи: когда зажегъ
Надъ Русью бунтъ костры изъ муки,
Народъ, какъ рабъ, на плаху легъ,

И только ты, бездомный воинъ,
Причастникъ русскаго стыда,
Былъ мертвой родины достоинъ
Въ тѣ недостойные года.

И только ты, поднявъ на битву
Изнемогавшихъ, претворилъ
Упрекъ исторіи — въ молитву
У героическихъ могилъ.

Вотъ почему съ такой любовью,
Съ благословеніемъ такимъ
Клоню я голову сыновью
Передъ безсмертіемъ твоимъ.

1925.

Digitized by Google

ВОЗМЕЗДІЕ.

Войти тихонько въ Божій теремъ
И, на минуту ставъ нездѣшнимъ,
Позвать свѣтло и просто: Боже!
Но мы вѣдь, мудрые, не вѣримъ
Святому чуду. Къ тайнамъ вешнимъ
Прильнуть, осенніе, не можемъ.

Дурманъ заученнаго смѣха
И отрицанья бредъ багровый
Надъ нами властвовали строго.
Въ насъ никогда не пѣло эхо
Господнихъ трубъ. Слѣпыя совы
Въ насъ рано выклевали Бога.

И вотъ онъ, часъ возмездья черный,
За жизнь безъ подвига, безъ дрожи,
За вѣрность гиблому безвѣрью
Передъ иконой чудотворной,
За то, что долго теремъ Божій
Стоялъ съ оплеванною дверью!

1923.

Digitized by Google

* * *

Все это было. Путь одинъ
У черни нынѣшней и прежней,
Лишь тѣни нашихъ гильотинъ
Длиннѣй упали и мятежнѣй.

И бьется въ хохотѣ и мглѣ
Напраснѣй правды нашей слово
Объ убіенномъ королѣ
И мальчикахъ Вандеи новой.

Всю кровь съ парижскихъ площадей,
Съ камней и рукъ легенда стерла,
И сынъ убогій предалъ ей
Отца раздробленное горло.

Все это будетъ. Въ горнѣ лѣтъ
И смрадъ, и блудъ, царящій нынѣ,
Расплавятся въ обманный свѣтъ.
Петля отца не дрогнетъ въ сынѣ.

И крови нашей страшный грунтъ
Засѣявъ ложью, шутъ нарядный
Увьетъ цвѣтами — русскій бунтъ,
Безсмысленный и безпощадный..

1925.

Digitized by Google

РОССІИ.

Услышу-ль голосъ твой? Дождусь ли
Стоцвѣтныхъ искръ твоихъ снѣговъ?
Налью ли звончатыя гусли
Волной твоихъ колоколовъ?

Разсыпавъ дней далекихъ четки,
Свяжу-ль ихъ радостью, какъ встарь,
Твой блудный сынъ, твой инокъ кроткій,
Твой запечаленный звонарь?

Клубились ласковые годы,
И каждый день былъ святъ и простъ.
А мы въ чужіе небосводы
Угнали стаю нашихъ звѣздъ.

Шагамъ Господнимъ, вѣчнымъ славамъ
Былъ солнцемъ вспаханный просторъ.
А мы, ведомые лукавымъ,
Мы уготовили костеръ,

Бушующій проклятой новью —
Тебѣ, земля моя! И вотъ —
На дыбѣ крупной плачемъ кровью
За годомъ годъ, за годомъ годъ...

1924.

Digitized by Google

* * *

Кто укралъ мою молодость, даже
Не оставилъ слѣдовъ у дверей?
Я разсказывалъ Богу о кражѣ,
Я разсказывалъ людямъ о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажетъ Богъ.
А людская неправда дала мнѣ
Перекопскій полонъ да острогъ.

И хожу я по черному свѣту,
Никогда не бывавъ молодымъ,
Небывалую молодость эту
По слѣдамъ догоняя чужимъ.

Увели ее ночью изъ дому
На семнадцатомъ, дѣтскомъ году.
И по вашему сталъ, по сѣдому,
Глупый мальчикъ метаться въ бреду.

Были слухи — въ острогѣ сгорѣла,
Говорили — пошла по рукамъ...
Всю грядущую жизнь до предѣла
За года молодые отдамъ!

Но безмолвенъ вашъ міръ отсіявшій.
Кто отвѣтитъ? Въ острожномъ краю
Скачетъ выжженной степью укравшій
Неневѣстную юность мою.

1925.

Digitized by Google

* * *

Законы тьмы неумолимы.
Непререкаемъ хоръ судебъ.
Все та же гарь, все тѣ же дымы,
Все тотъ же выплаканный хлѣбъ.

Мнѣ недругъ сталъ единовѣрцемъ:
Мы всѣ, кто могъ и кто не могъ,
Маячимъ вывѣтреннымъ сердцемъ
На перекресткахъ всѣхъ дорогъ.

Рука протянутая молитъ
О каплѣ солнца. Но сосудъ
Небесной милостыни пролитъ,
Но близокъ нелукавый судъ.

Рука дающаго скудѣетъ:
Полміра по-міру пошло...
И снова гарь, и вновь тускнѣетъ
Когда-то свѣтлое чело.

Сегодня ледъ дорожный ломокъ,
На-завтра злая встанетъ пыль,
Но такъ же жгучъ ремень котомокъ
И тяжекъ нищенскій костыль.

А были буйныя услады
И гордой молодости летъ...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у воротъ!

1924.

Digitized by Google

Брату Борису.

Не бойся, милый. Это я.
Я ничего тебѣ не сдѣлаю.
Я только обовью тебя,
Какъ саваномъ, печалью бѣлою.

Я только выну злую сталь
Изъ ранъ запекшихся. Не странно ли:
Еще свѣжа клинка эмаль,
А вѣдь съ тѣхъ поръ три года канули.

Поетъ ковыль. Струится тишь.
Какой ты блѣдный сталъ и маленькій!
Все о семьѣ своей грустишь
И рвешься къ ней изъ вѣчной спаленки?

Не надо. Въ ночь ушла семья.
Ты въ домъ войдешь, никѣмъ не встрѣ-
ченный.
Не бойся, милый, это я
Цѣлую лобъ твой искалѣченный.

1923.

Digitized by Google

Брату Николаю.

Мальчикъ кудрявый смѣется лукаво.
Смуглому мальчику весело,
Что наконецъ-то на грудь ему слава
Бѣленькій крестикъ повѣсила.
Бой отгремѣлъ. На груди донесенье
Штабу дивизіи. Гордыми лирами
Строки звенятъ: бронепоѣздъ въ сраженьи
Синими взятъ кирасирами.
Липы да клеверъ. Упала съ кургана
Капля горячаго олова.
Мальчикъ вздохнулъ, покачнулся и странно
Тронулъ ладонями голову.
Словно искалъ эту пулю шальную.
Вздрогнулъ весь. Стремя зазвякало.
Въ клеверъ упалъ. И на грудь неживую
Липа росою заплакала...

—

Схоронили-ль тебя — развѣ знаю?
Развѣ знаю, гдѣ память твоя?
Гдѣ годовъ твоихъ краткую стаю
Задушила чужая земля?
Всѣ могилы родимыя стерты.
Никого, никого не найти...
Бѣлый витязь мой, братикъ мой мертвый,
Ты въ моей похороненъ груди.
Спи спокойно! Въ тоскѣ безъ предѣла,
Въ полыхающей болью любви,
Я несу твое дѣтское тѣло,
Какъ евангеліе изъ крови.

1925.

Digitized by Google

Сестрамъ моимъ Нинѣ и Надеждѣ

Одна догорѣла въ Каирѣ,
Другая на русскихъ поляхъ.
Какъ много пылающихъ плахъ
Въ бездомномъ воздвигуто мірѣ!

Ни спѣть, ни сказать о кострахъ,
О мукѣ на огненномъ пирѣ.
Слова на запекшейся лирѣ
Въ нѣмой разсыпаются прахъ.

Но знаю, но вѣрю, что острый
Терновый вѣнецъ въ темнотѣ
Ведетъ къ осіянной чертѣ
Распятыхъ на русскомъ крестѣ,
Что ангелы встрѣтятъ васъ, сестры,
Во родинѣ и во Христѣ.

1924.

Digitized by Google

Братьямъ моимъ Михаилу и Павлу.

Ты кровь ихъ соберешь по каплѣ, мама,
И, зарыдавъ у Богоматери въ ногахъ,
Разскажешь, какъ зіяла эта яма,
Сынами вырытая въ проклятыхъ пескахъ,

Какъ пулеметъ на камнѣ ждалъ угрюмо,
И тотъ, въ бушлатѣ, звонко крикнулъ: „Что, начнемъ“?
Какъ голый мальчикъ, чтобъ уже не думать,
Надъ ямой сталъ и горло прокололъ гвоздемъ.

Какъ вырвалъ пьяный конвоиръ лопату
Изъ рукъ сестры въ косынкѣ и сказалъ „Ложись“,
Какъ сынъ твой старшій гладилъ руки брату,
Какъ стыла подъ ногами глинистая слизь,

И плылъ разсвѣтъ ноябрьскій надъ туманомъ,
И тополь чуть желтѣлъ въ невидимомъ лучѣ,
И старый прапорщикъ, во френчѣ рваномъ,
Съ чернильной здѣздочкой на сломаномъ плечѣ,

Вдругъ началъ пѣть — и эти бредовыя
Мольбы бросалъ свинцовой брызжущей струѣ:
Всѣхъ убіенныхъ помяни Россія,
Егда пріидеши во царствіе Твое...

1925.

Digitized by Google

* * *

Кипятъ года. Въ тоскѣ смертельной
Захлебываясь на бѣгу,
Кипятъ года. Твой крестикъ тѣльный
Въ шкатулкѣ крымской берегу.

Всю ночь не спалъ ты. Дрожь разсвѣта
Вошла въ подвалъ, какъ злая гарь
Костровъ невѣдомыхъ, и гдѣ-то
Зажгли невѣдомый фонарь,
Когда, случайный братъ по смерти,
Сказалъ ты тихо у окна:
„За мной пришли. Вотъ здѣсь, въ конвертѣ,
Мой крестъ и адресъ, гдѣ жена.
Отдайте ей. Боюсь, что съ грязью
Смѣшаютъ Господа они..." —
И далъ мнѣ крестъ, съ славянской вязью,
На немъ — „Спаси и сохрани".
Но не спасла, не сохранила
Тебя рука судьбы хмѣльной.
Сомкнула общая могила
Свои рѣсницы надъ тобой...

Кипятъ года, въ тоскѣ смертельной
Захлебываясь на бѣгу.
Спи бѣлымъ сномъ! Твой крестикъ тѣльный
До бѣлой тризны сберегу.

1923.

Digitized by Google

* * *

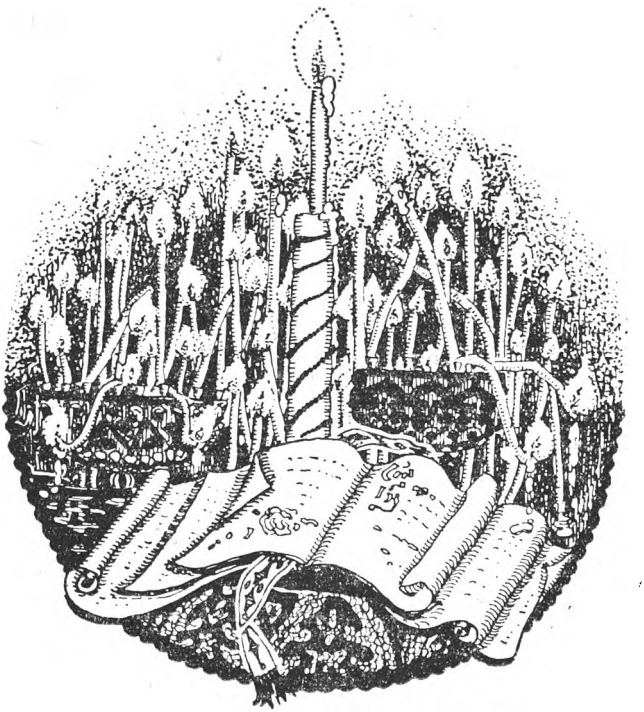
Ты не думай, все запишется.
Не простится. Ты не жди.
Все неслышное услышится.
Пряча тайное, колышется
Сердце-ладонка въ груди.

Умираютъ дни, и кажется:
Прожитой не встанетъ прахъ.
Но Христу вся жизнь разскажется.
Сердце-ладонка развяжется
На святыхъ Его вѣсахъ

Жизни наши будутъ взвѣшены.
Кто то съ чаши золотой
Будетъ брошенъ въ пламень бѣшеный.
Ты-ль, хмѣльная? Я-ль, повѣшенный
Надъ Россіей и тобой?

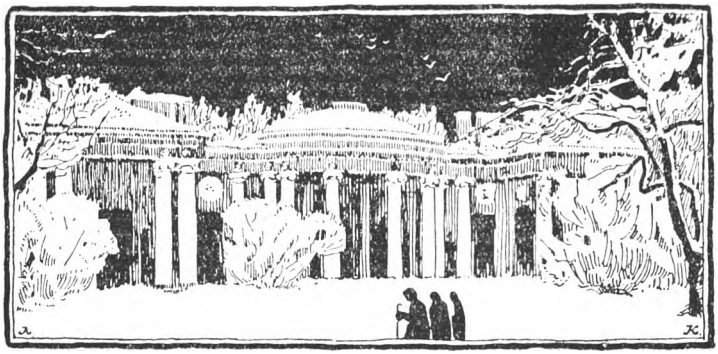
1925.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google



Помните? Хаты да пашни.
Лугъ, да цвѣты, да рѣка.
Въ небѣ, какъ бѣлыя башни,
Долго стоятъ облака.
Утро. Пушистое сѣно
Медомъ полно. У воды
Мельница кашляетъ пѣной,
Пылью жемчужной руды.

Помните? Вынырнулъ вечеръ,
Неповторимый такой.
Птицъ многошумное вѣче.
Споря, ушло на покой.
Тѣни ползутъ какъ улитки
Въ старомъ саду. Въ темнотѣ
Липы шуршатъ. У калитки
Странникъ поетъ о Христѣ.

Помните? Ночью колеса
Ласково какъ-то бѣгутъ.
Мѣсяцъ прищурился косо
На полувысохшій прудъ.
Мышь пролетѣла ночная.
Выплылъ изъ темени мостъ.
Съ неба посыпалась стая
Кѣмъ-то встревоженныхъ звѣздъ...

1924.

Digitized by Google

* * *

Когда палящій день остынетъ
И солнце упадетъ на дно,
Когда съ ночного неба хлынетъ
Густое, лунное вино,

Я выйду къ морю полночь встрѣтить,
Бродить у смуглыхъ береговъ,
Береговые камни мѣтить
Іероглифами стиховъ.

Маякъ надъ городомъ усталымъ
Откроетъ круглые глаза,
Зеленый свѣтъ сбѣжитъ по скаламъ,
Какъ изумрудная слеза.

И брызнетъ полночь синей тишью.
И заструится млечный мостъ...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звѣздъ

И, опьяненный бредомъ луннымъ,
Ея сиреневымъ виномъ,
Ударю по забытымъ струнамъ
Забытымъ сердцемъ, какъ смычкомъ...

1924.

Digitized by Google

* * *

Потокъ грохочущихъ событій,
Мятежноносная руда
Обуглитъ памятныя нити,
Соединявшія года,

И все въ улыбкѣ прожитое,
Надеждъ и пѣсенъ хороводъ
Въ недосягаемомъ покоѣ
Невозвратимо отцвѣтетъ.

Изъ книги памяти ненужной
Пустые выпадутъ листы,
Но никогда, ни въ бурѣ вьюжной,
Ни въ зноѣ, не увянешь ты.

Изгибъ бровей безсмертно четкій,
Въ тѣни рѣсницъ зеленый жаръ,
Твоей лукавящей походки
Незабываемый угаръ...

1924.

Digitized by Google

* * *

У царскихъ вратъ икона странная —
Глаза совсѣмъ твои.
До темныхъ плитъ рѣзьба чеканная,
Литые соловьи.

Я къ соловьиному подножію
Съ мольбой не припаду.
Похожая на Матерь Божію,
Ты все равно въ аду.

Монахъ согбенный началъ исповѣдь.
Ему, какъ брату братъ,
Въ грѣхѣ покаюсь. Грѣхъ мой близко вѣдь,
Вѣдь ты — у царскихъ вратъ..,

Одной тебѣ служилъ я съ младости,
И вотъ, въ чужой странѣ,
Твой образъ Всѣхъ Скорбящихъ Радости
Я полюбилъ вдвойнѣ.

Ты не любила, ты лукавила,
Ты захлебнулась тьмой...
Глазамъ твоимъ свѣчу поставила
Монашенка съ сумой.

Смѣнивъ калику перехожую,
У царскихъ вратъ стою.
Христосъ, прости ее, похожую
На Мать Твою!

1925.

Digitized by Google

НА САЙМѢ.

Чего здѣсь больше, капель или иглъ?
Озерныхъ брызгъ, или сосновыхъ хлопьевъ?
Столѣтній боръ, какъ стомачтовый бригъ,
Вонзился въ небо тысячами копьевъ.

Сбѣгаютъ тѣни стрѣльчатой грядой
На кудри волнъ по каменистымъ склонамъ,
А лунный шаръ надъ розовой водой
Приколотъ одуванчикомъ зеленымъ.

Прозрачно дно. Озерныя поля
Расшиты желтыми шелками лилій.
Глухой рыбакъ мурлычитъ у руля
Про дѣвушку, которую убили.

Въ ночную воду весла уронивъ,
Дремлю я, сердце уронивъ въ былое.
Плыветъ, весь въ черномъ бархатѣ, заливъ
И, все въ огняхъ, кольцо береговое.

Проснулся вѣтеръ, вынырнулъ изъ травъ,
Надъ стаей тучъ взмахнулъ крыломъ незримымъ...
И лунный одуванчикъ, задрожавъ,
Разсыпался зеленоватымъ дымомъ.

1925.

Digitized by Google

* * *

Ты брошенъ тоже, ты поймешь,
Въ дурманы вглядываясь строже,
Что счастье, если и не ложь, —
На ложь мучительно похоже.

Тотъ, первый, кто виномъ любви
Уста раскрывшіяся нѣжилъ,
Не слѣпъ отъ нынѣшней крови
И въ нашей брошенности не жилъ.

Тотъ, первый, въ райскомъ терему
Лаская кроткую подругу,
Не шелъ въ хохочущую тьму
По кѣмъ то проклятому кругу.

А мы идемъ. Надъ нами взглядъ
Безумія зажженъ высоко,
И каплетъ самый черный ядъ
Изъ окровавленнаго ока.

Что сердца легкая игра
Тяжелому земному тѣлу?
Быть можетъ, ужъ давно пора
Мечту приговорить къ разстрѣлу.

А мы въ безлюдье, въ стужу, въ дымъ
Несемъ затравленность обѣтовъ,
Мы, какъ евангеліе, чтимъ
Бредъ сумасшедшихъ и поэтовъ

И, вслушиваясь въ злую ложь,
Горимъ, съ неоспоримымъ споря,..
Ты брошенъ тоже, ты поймешь,
Что счастье выдумано съ горя.

1924.

Digitized by Google

* * *

Пѣли подъ окнами клены.
Ночь отгорала. Струясь
По полу, сгусткомъ зеленымъ
Лунная кровь запеклась.

Ночь отгорала. Въ гостинной
Не зажигали огней.
Зло говорили и длинно
О прожитомъ и о ней.

Кто-то, чуть видимый въ креслѣ,
Долгій закончилъ разсказъ
Мудростью: „Женщина, если
Любитъ, то любитъ не васъ".

Падали розовымъ градомъ
Искры пяти папиросъ.
Кто-то, смѣявшійся рядомъ,
Бросилъ мнѣ горькій вопросъ:

„Вы развѣ счастливы? Развѣ
Ваша любовь не въ пыли"?
Снова къ сочащейся язвѣ
Душу мою поднесли.

Я улыбнулся спокойно,
Я не отвѣтилъ ему, —
Ибо роптать недостойно
Мнѣ, безъ конца твоему.

1925.

Digitized by Google

* * *

Можно стать сумасшедшимъ отъ боли,
Но нельзя ничего забыть.
Я влачусь по земной юдоли,
И за мною змѣится нить.

А на ней, на ладонкѣ длинной,
Завязала память узлы,
Какъ печати доли полынной,
Какъ печати недоли и мглы.

Я и такъ четвертованъ новью,
Нелегко теперь на землѣ.
Для чего-жъ и прошлое кровью
Истекаетъ въ каждомъ узлѣ?

Часто хочется бросить сердце,
Память бросить въ ночь и не жить.
Но вползаетъ тайною двенцей,
Но пытаетъ узлами нить.

Если-бъ кто-нибудь сжалъ ее съузилъ,
Оборвалъ, во тьму уроня,
И въ послѣдній, терновый узелъ
Завязалъ неживого меня!

1924.

Digitized by Google

* * *

Сегодня мѣсяцъ совсѣмъ весенній —
Туманный, близкій и молодой.
Огромныхъ сосенъ прямыя тѣни
Дрожатъ лилово на мостовой.

Роятся тучи въ сѣдомъ просторѣ,
Въ сѣдомъ просторѣ плывутъ цвѣты.
За дымкой улицъ, я знаю,— море,
За дальнимъ моремъ, я знаю,— ты.

Пустая площадь. На бѣлой башнѣ
Двѣнадцать пѣсенъ пропѣла мѣдь.
Туманъ все выше и все безстрашнѣй
Бросаетъ въ небо сѣдую сѣть.

Сегодня взоры — хмельное жало,
Сегодня маемъ пьянитъ февраль.
А ты мнѣ сердце зацѣловала
И уронила въ такую даль.

1923.

Digitized by Google

РЕВНОСТЬ.

Спросила дѣвочка тихо:
„О чемъ ты, мальчикъ, грустишь“?
За дверью — поле, гречиха
И такая густая тишь.

Колыхнулся и вспыхнулъ синѣе
Надъ закрытой книгою взоръ.
„Я грущу о сказочной феѣ,
О царевнѣ горныхъ озеръ“.

Соловей вскрикнулъ напѣвно.
Упала съ вѣтки роса.
„А какая она, царевна?
И длинная у нея коса“?

„У царевны глаза такіе —
Посмотритъ и заманитъ въ плѣнъ.
А косы ея — золотыя,
Золотая волна до колѣнъ“.

И сказала крошка, играя
Черной косичкой своей:
„Тоже... радость какая большая —
Въ рыжихъ влюбляться фей“!

1925.

Digitized by Google

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Мощный, гулкій, неустанный,
Утоли мою печаль,
Унеси въ такія страны,
Гдѣ минувшаго не жаль,

Гдѣ безстрастно бродятъ свѣты
Мертвыхъ лѣтъ и мертвыхъ лунъ,
Гдѣ безсмертно спятъ поэты
Въ гамакахъ изъ звѣздныхъ струнъ,

Вьются версты. Версты пляшутъ
Хороводами столбовъ.
Острой проволокой пашутъ
Неживую землю мховъ.

Все равно, никто не встанетъ,
Не проснется. Все равно.
Только горькій вздохъ заглянетъ
Въ задрожавшее окно,

Да напомнитъ садъ старинный,
Синій вечеръ, яблонь шумъ,
Да просторъ, да взлетъ орлиный
Въ небѣ плавающихъ думъ...

Мощный, блещущій, желѣзный,
Вырви рельсъ двойную сталь,
Брось меня въ такія бездны,
Гдѣ минувшаго не жаль...

1924.

Digitized by Google

* * *

Пять лѣтъ, пять долгихъ терній
Прошло съ тѣхъ гиблыхъ поръ,
Когда туманъ вечерній
Запорошилъ твой взоръ.

Свершилось. Брызнулъ третій,
Рыдающій звонокъ.
Пять лѣтъ я слезы эти
Остановить не могъ.

Вагонъ качнулся зыбко.
Ты рядомъ шла въ пыли.
Смертельною улыбкой
Глаза твои цвѣли.

Надъ станціей вязали
Туманы кружева.
Надъ станціей дрожали
Прощальныя слова.

Колесъ тугіе стоны
Слились въ одну струю.
Перекрестивъ вагоны,
Ты крикнула: „Люблю“...

Ты крикнула: „Не надо!..
Придутъ — умремъ вдвоемъ“...
И пролитой лампадой
Погасла за холмомъ...

Пять лѣтъ, пять долгихъ пытокъ
Прошло. И ты прошла.
Любви и вѣры свитокъ
Ты смѣхомъ залила.

1925.

Digitized by Google

ЗАКАТЪ.

Декабрьскій вечеръ синь и матовъ.
Беззвѣздно въ горнемъ терему.
Такихъ медлительныхъ закатовъ
Еще не снилось никому.

Глаза ночные сжаты плотно,
Чуть брызжетъ смуглый ихъ огонь,
Какъ будто черныя полотна
Колеблетъ робкая ладонь.

Поютъ снѣга. Покорной лыжей
Черчу немудрые слѣды.
Все строже сѣверъ мой, все ближе
Столѣтьемъ скованные льды.

Бѣгу по сказачной полянѣ,
Гдѣ кротокъ чей то бѣдный крестъ,
Гдѣ снѣгъ нетронутый желаннѣй
Всѣхъ нецѣлованныхъ невѣстъ.

Мнѣ самому мой бѣгъ невѣдомъ.
Люблю безкрайности пустынь.
Цвѣтетъ закатъ. За лыжнымъ слѣдомъ
Слѣдитъ серебряная синь.

Недвижна бѣлая громада
Снѣговъ въ узорчатой рѣзьбѣ...
Вчера мнѣ снилось, что не надо
Такъ много плакать о тебѣ...

1924

Digitized by Google

* * *

И канарейки, и герани,
И ситецъ розовый въ окнѣ,
И скрипъ въ клеенчатомъ диванѣ,
И „Островъ мертвыхъ“ на стѣнѣ;

И смѣхъ жеманный, и румянецъ
Поповны въ платьѣ голубомъ,
И самовара мѣдный глянецъ,
И „Нивы“ прошлогодней томъ;

И грохотъ зимнихъ воскресеній,
И бантъ въ каштановой косѣ,
И вальсъ въ три па подъ „Сонъ
осенній“,
И стукалку на монпасье,—

Всю эту заросль вѣковую
Безумно вырубленныхъ лѣтъ,
Я — каждой мыслею цѣлуя
Россіи вытоптанный слѣдъ,—

Какъ дѣтства дальняго цвѣтенье,
Какъ сада Божьяго росу,
Какъ матери благословенье
Въ душѣ разстрѣлянной несу.

И чѣмъ отвратнѣй, чѣмъ обманнѣй
Дни нынѣшніе, тѣмъ роднѣй
Мнѣ правда мертвая гераней,
Сіянье вырубленныхъ дней.

1925.

Digitized by Google

* * *

А проклянешь судьбу свою,
Ударитъ стыдъ желѣзной лапою, —
Вернись ко мнѣ. Я боль твою
Послѣдней нѣжностью закапаю.

Она плыветъ, какъ лунный дымъ,
Надъ нашей молодостью скошенной
Къ вишневымъ хуторамъ моимъ,
Къ тебѣ, грѣхами запорошенной.

Ни правыхъ, ни виновныхъ нѣтъ
Въ любви, замученной нечаянно.
Ты знаешь... я на твой портретъ
Крещусь съ молитвой неприкаянной...

Я отгорѣлъ, погаснешь ты.
Мы оба скоро будемъ правыми
Въ чаду житейской суеты
Съ ея голгофными забавами.

Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смѣшная заповѣдь:
Стихи къ тебѣ, какъ и любовь,
Слезами длинными закапывать...

1924.

Digitized by Google

* * *

И смѣялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чемъ не моля,
И шептала мнѣ сказки украдкой
Наша старая няня — земля.

И любилъ я, и вѣрилъ, и снами
Несказанными жилъ наяву,
И прозрачными плакалъ стихами
Въ золотую отъ солнца траву...

Пьяный хамъ, нескончаемой тризной
Затемнившій души моей синь,
Будь ты проклятъ и нынѣ, и присно,
И во вѣки вѣковъ, аминь!

1925.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

PG 3476 .S3625 .L3 1926 C.1
Ladonka :
Stanford University Libraries
3 6105 036 991 748

PG
3476
.S3625
.L3
1926

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

Digitized by Google

Digitized by Google